

Им предстоит научиться жить
по-настоящему.

ДАНИЭЛА СТИЛ

ЧУДО

Великолепная Даниэла Стил

Даниэла Стил

Чудо

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Чудо / Д. Стил — «Эксмо», 2005 — (Великолепная Даниэла Стил)

ISBN 978-5-04-163733-0

Миллионер Квинн Томпсон живет лишь мечтами о собственной яхте, на которой он собирается отправиться в плавание, чтобы избавиться от мучительного чувства вины из-за ошибок в далеком прошлом. И он готов на все ради исполнения заветного желания. Но решительный настрой Квинна исчезает, когда он знакомится с одинокой и несчастной Мэгги Дартмен. Казалось бы, у этих двоих, поглощенных своими переживаниями и заботами, не может быть ничего общего. Однако их случайно завязавшаяся дружба постепенно начинает превращаться в нечто большее, и теперь Квинну придется выбирать, чего он хочет по-настоящему: долгожданного спокойствия или искренней любви.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-163733-0

© Стил Д., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Даниэла Стил

Чудо

Danielle Steel
MIRACLE

© Фрадкина Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*...Вся суть человеческой мудрости заключена лишь в паре слов:
«ожидание» и «надежда»...*
Александр Дюма. «Граф Монте-Кристо»

Глава 1

Яхта «Виктори» плавно шла вдоль берега, направляясь в порт на старых Антибах. В этот дождливый ноябрьский день море было беспокойным. Квинн Томпсон стоял на палубе, глядя вверх, на паруса. Этот красивый мужчина выглядел молодо. Будучи страстным яхтсменом, он смаковал последние минуты на борту. Томпсон арендовал судно у своего делового партнера в Лондоне. «Виктори», парусник длиной сто пятьдесят футов, был оснащен дополнительными двигателями. У его владельца в этом году аннулировалось несколько сделок, и Квинн с радостью ухватился за шанс воспользоваться яхтой с августа. Время, проведенное в море, пошло ему на пользу во многих отношениях. Он окреп, стал спокойнее и впервые за много месяцев смирился со своей судьбой.

Сев на яхту в Италии, он совершил путешествие в испанских и французских водах. В Лионском заливе пришлось нелегко, но шторм вызвал только радостное волнение. Правда, эта непогода быстро закончилась. Затем Квинн направился в Швецию и Норвегию и не спеша вернулся через несколько немецких портов. Он провел на паруснике три месяца. Ему было необходимо какое-то время побыть вдали от всего, чтобы предаться размышлениям и оправиться после случившегося. Квинн как можно дольше откладывал отплытие в Калифорнию: ему незачем было возвращаться домой. Но зима была не за горами, и он знал, что больше нельзя тянуть. Владельцу «Виктори» нужна была к Рождеству: он хотел поплавать в Карибском море. Этот вопрос они обсудили, когда договаривались об аренде. Квинн заплатил целое состояние за три месяца, проведенные на борту яхты, но ничуть не сожалел об этом. Высокая цена ничего не значила для Квинна Томпсона: он мог себе позволить и гораздо большую сумму. В плане материальном и профессиональном он был весьма успешным человеком.

Это путешествие напомнило ему, как страстно он любит плавать. Его не тяготило одиночество, он даже наслаждался им. А команда была и квалифицированной, и неболтливой. На моряков произвело впечатление мастерство Квинна. Они очень быстро поняли, что он знает гораздо больше о «Виктори», нежели ее владелец. (Вообще-то, тот не знал почти ничего.) Для Квинна яхта стала и возможностью сбежать, и надежным убежищем. Особенно он наслаждался временем, проведенным в фиордах. Их суровая красота импонировала ему, и он упорно избегал веселые или романтические порты Средиземноморья.

В его каюте лежали упакованные сумки. Зная деловые качества команды, он не сомневался, что через несколько часов после его отъезда на «Виктори» не останется никаких следов его пребывания. Команда состояла из шести мужчин и одной женщины – жены капитана, которая исполняла на борту обязанности стюардессы. Как и все остальные, она была сдержанна и вежлива и редко говорила с Квинном. Все члены команды были британцами, так же как и владелец яхты. У Квинна установились непринужденные и уважительные отношения с капитаном.

– Жаль, что море сегодня беспокойное, – с улыбкой произнес тот, присоединившись к Квинну на палубе.

Однако он знал, что Квинн не имеет ничего против непогоды. Квинн повернулся к собеседнику и кивнул. Его не беспокоили ни волны, разбивавшиеся о нос яхты, ни проливной дождь. Он любил бурное море и внезапный шторм. Единственное, что ему было не по душе, – это необходимость покинуть яхту. Они с капитаном провели много часов, беседуя о мореходстве и о местах, в которых побывали. На капитана невольно произвели сильное впечатление обширные путешествия Квинна и глубина его познаний в морском деле. Квинн Томпсон был разносторонним человеком и живой легендой в мире международных финансов. Еще до его появления на борту владелец яхты рассказал капитану, что Квинн очень скромно начинал, но нажил огромное состояние. Владелец даже зашел так далеко, что назвал Квинна блестящим бизнесменом. А проведя с последним три месяца на борту, капитан пришел к такому же мне-

нию. Многие восхищались Квинном Томпсоном, некоторые его боялись, а кое-кто ненавидел, имея на это все основания. Он был прямым, уверенным в себе, могущественным и слегка загадочным. Не зная жалости, он добивался того, что хотел. Фонтанируя идеями, он поражал буйным воображением. Квинн был неразговорчив, за исключением тех редких минут, когда находился в приподнятом настроении. Капитан получал большое удовольствие от таких минут – обычно это случалось после нескольких рюмок бренди. В своих беседах они в основном придерживались одной излюбленной темы: плавания.

Капитан знал, что прошлой весной Квинн потерял жену – тот пару раз упоминал о ней. Порой его взгляд делался тоскливым, а в начале плавания он несколько дней был мрачен. Когда они часами стояли бок о бок на палубе, Квинн зачастую не произносил ни слова. Капитан знал, что у него также есть дочь, поскольку однажды Квинн упомянул и о ней. Этот человек с готовностью делился идеями, но редко – чувствами.

– Вы должны сделать мистеру Баркли предложение насчет «Виктори», – с надеждой произнес капитан.

В эту минуту команда убирала паруса, поскольку они направлялись в порт. Заводя двигатель, капитан бросил на Квинна взгляд через плечо, и тот улыбнулся в ответ. Он редко улыбался, но это дорогого стоило: казалось, выглянуло летнее солнце. Когда же он смеялся, то становился другим человеком. Но обычно его сковывал зимний холод.

– Я думал об этом, – признался Квинн. – Но он вряд ли ее продаст.

Прежде чем арендовать яхту, Квинн спросил у Баркли, не хочет ли тот ее продать. Владелец «Виктори» ответил, что сделает это только в крайнем случае. Он добавил, что скорее расстался бы с женой и детьми, нежели со своим парусником. И Квинн понимал и уважал такую точку зрения. Он не стал пересказывать капитану слова Баркли. Надо сказать, что за последние три месяца Квинн загорелся идеей купить какое-нибудь судно. У него годами не было парусника, а теперь к этому не существовало препятствий.

– Вам бы следовало иметь яхту, сэр, – осторожно произнес капитан.

Он бы с радостью стал работать на Квинна. Тот был строг, но с уважением относился к команде, и плавание с ним было волнующим приключением. Он такое проделывал с «Виктори» и отправлялся в такие места, о которых Джон Баркли не смел и мечтать. Вся команда была в восторге от трех месяцев, проведенных на борту вместе с Квинном Томпсоном. А сам он с августа подумывал о том, чтобы купить или построить яхту. Эта мысль стала особенно навязчивой теперь, когда его плавание на «Виктори» закончилось. Да, это была бы идеальная возможность покинуть Сан-Франциско. Он уже решил продать дом и подумывал приобрести квартиру где-нибудь в Европе. Ему было шестьдесят один год, и он почти два года как ушел в отставку. А теперь, когда умерла Джейн, не было причин оставаться в Сан-Франциско. Квинн чувствовал, что яхта могла бы вернуть ему радость жизни. Вообще-то, «Виктори» уже отчасти сделала это. Люди часто разочаровывают друг друга, подумал он, а корабли – никогда.

– Я все утро думаю о том же, – спокойно сказал Квинн. Ему ужасно не хотелось расставаться с «Виктори». Он знал, что через два дня она направится в Гибралтар, а затем к острову Сен-Мартен. Баркли вместе с женой и детьми ждал ее там к Рождеству. Деньги, которые Квинн заплатил за аренду яхты, помогли владельцу сохранить ее. В результате она, по крайней мере, еще год будет ему принадлежать. – Вы не знаете, не продается ли сейчас подобная? – спросил Квинн с интересом.

Капитан, который в это время смотрел вперед, наблюдая за курсом, не сразу ответил.

– Ничего такого, что могло бы вас заинтересовать. Я имею в виду парусники.

Большие моторные катера постоянно переходили из рук в руки, но судна того типа, который интересовал Квинна, попадались редко. Большинство владельцев любили свои яхты и неохотно с ними расставались. Капитан еще размышлял над этим, когда к ним присоединился первый помощник. Когда ему задали тот же вопрос, молодой человек кивнул:

– Я слышал об одной яхте пару недель назад, когда мы покидали Норвегию. Она еще не закончена, но уже выставлена на продажу. Эта яхта все еще на судовой верфи в Голландии. Ее заказал в прошлом году Боб Рамсей, а теперь решил продать. Ему нужна яхта побольше. Я слышал, что та, которая продается, настоящая красавица.

Все трое знали, что это так: ведь она была заказана Бобом Рамсеем. Он был известным яхтсменом, и ему принадлежали три красивые яхты. Боб участвовал с ними во всех европейских состязаниях и обычно брал все призы. Рамсей был американцем, а его жена – французской, и они жили в Париже. Он был героем международного мира мореплавания, и все парусники, которые он строил, были великолепны.

– Вы знаете, на какой она судовой верфи? – осведомился Квинн. Уж не ответ ли это на его молитвы?

– Да, знаю, – радостно подтвердил молодой человек. – Если хотите, я им позвоню, как только мы войдем в док.

В этот день Квинн должен был лететь в Лондон и, переночевав в отеле, на следующее утро направиться в Сан-Франциско. Он позвонил дочери Алекс в Женеву, намереваясь повидаться перед отъездом домой. Но она отговорила его тем, что слишком занята детьми. Он знал истинную причину отказа, и у него больше не было сил бороться. Битвы между ними были чересчур мучительными и продолжались слишком долго. Алекс так и не простила ему ошибок, которые, по ее мнению, он совершил в ее детстве. И она не могла простить отцу, что он так поздно сообщил ей о болезни матери. Вообще-то, он теперь осознал, что слепая надежда и нежелание признавать факты удержали его от того, чтобы позвонить раньше. И он, и Джейн отказывались верить, что она умрет. Они твердили себе и друг другу, что она выздоровеет. А когда Джейн позволила сообщить все дочери, до ее кончины оставались считанные дни. И даже тогда они не думали, что она умрет. Порой ему приходила в голову одна мысль: а что, если им с Джейн хотелось провести вдвоем ее последние дни, и они невольно исключили из своего круга Алекс?

Когда Алекс прилетела домой, Джейн была едва жива. Дочь прибыла за два дня до ее кончины. Джейн либо страдала от невыносимой боли, либо была сильно одурманена лекарствами. Поэтому Алекс не удавалось с ней поговорить – за исключением редких минут, когда сознание матери прояснялось. В эти минуты Джейн продолжала настаивать, что все будет хорошо. Алекс онемела от горя и шока и кипела от ярости на отца. Ее горе вылилось в негодование, которое она и так уже ощущала. Она послала Квинну единственное гневное письмо, а после этого месяцами не отвечала на телефонные звонки. Несмотря на то что перед смертью Джейн молила их помириться и заботиться друг о друге, Квинн почти совсем отказался от попыток воссоединиться с Алекс. Он знал, как расстроило бы Джейн их отчуждение, и тяжело это переживал, но ничего не мог поделать. В глубине души он считал, что Алекс права. Так уж вышло, что они с Джейн лишили ее возможности попрощаться с матерью.

Два дня назад он позвонил Алекс с борта «Виктори». Это была последняя бесплодная попытка достучаться до дочери: на него вылили ушат ледяной воды. По-видимому, невозможно перекинуть мост через эту бездну. Алекс слишком долго таила обиды за свое детство. Все те годы, когда Квинн создавал свою империю, у него почти не было времени на Джейн и детей. Жена простила его, она всегда понимала, что значит для мужа его дело. Она никогда не упрекала и гордилась его победами, чего бы они ей ни стоили. Но Алекс возненавидела отца за то, что он постоянно отсутствует и не проявляет интереса к ее жизни. Она высказала ему все в день похорон, вместе с претензиями по поводу того, что он не предупредил ее о серьезной болезни Джейн. И хотя Алекс обладала хрупкой внешностью матери, она унаследовала от отца крутой нрав. Алекс была такой же безжалостной и бескомпромиссной, как он в прошлом. А теперь он был беззащитен перед ее гневом. И он знал, что она права.

Характер Квинна был не лишен мягкости. Об этом знали лишь немногие, поскольку он скрывал это качество от всех. Джейн никогда не сомневалась в этой черте мужа и так дорожила ею! Алекс обладала его сильным характером, но ей не хватало сострадания, присущего Джейн. В дочери было что-то ледяное, и это пугало Квинна. Она злилась на него годами, и было ясно, что она не собирается мириться. Особенно теперь, когда он лишил Алекс возможности провести с матерью последние дни. Это был финальный удар по их отношениям. И теперь он осознал, что не хотел делиться последними днями Джейн ни с кем, даже с дочерью. В ужасе от надвигающейся смерти жены он цеплялся за надежду. Им нужно было так много сказать друг другу: ведь столько лет его постоянно не было рядом. Он должен был сообщить ей все, что никогда не считал нужным говорить. В конце он сказал ей все – они оба сказали. И именно в эти последние недели она показала ему свои дневники и любовные стихотворения. Он всегда думал, что знает жену, и только в самом конце обнаружил, что это не так.

Под безмятежностью, спокойствием и мягкостью таились бесконечная любовь, тепло и страсть. И все это было направлено на него. Он слишком поздно понял, какие глубокие тайны были скрыты в этой женщине, и знал, что никогда не простит себе этого. Его почти никогда не было рядом с Джейн. Он виноват перед женой в большей степени, нежели перед дочерью. Джейн следовало бы сердиться на него, как это делала Алекс. Но нет, она лишь любила мужа еще больше во время бесконечных отлучек. Теперь его терзало чувство вины. Он знал, что будет страдать из-за этого всю оставшуюся жизнь. Его постоянное отсутствие казалось Квинну непростительным преступлением – особенно после того, как он прочел дневники Джейн. Он взял их с собой в морское путешествие и месяцами листал каждую ночь. Но даже сильнее, чем дневники, его мучили ее любовные стихи. Они врезались в него, как скальпели, и вырывали сердце. Джейн была самой понимающей, всепрощающей, великодушной женщиной из всех, кого он знал. Она оказалась гораздо большим сокровищем, нежели он подозревал. И злейшей иронией было то, что он понял это только сейчас, когда ее не стало. Слишком поздно. Непростительно поздно... Единственное, что ему оставалось, – это сожалеть об ошибках и скорбеть о потере Джейн. Ничего нельзя было исправить и искупить. Правда, он успел попросить у Джейн прощения за все. Но она уверяла, что ему не о чем жалеть, не в чем упрекнуть себя. Она клялась, что была счастлива все эти годы, и от этого он еще острее чувствовал вину. Как же она могла быть счастлива с мужчиной, которого никогда не было рядом и который почти не обращал на нее внимания? Квинн знал, почему он так поступал. Он был одержим своей империей, своими достижениями, своими делами и редко думал о ком-то еще, а меньше всего – о жене и детях. У Алекс было полное право сердиться на него, а у Джейн – все основания его ненавидеть. Но нет, жена писала любовные стихотворения и была беззаветно предана ему. Квинн знал лучше кого бы то ни было, что совсем не заслуживал это. И теперь почти каждую ночь его мучили сны. Сны, в которых Джейн просила его вернуться домой и умоляла не покидать ее, не забывать.

Квинн ушел в отставку за год до смерти жены. Они провели этот год, путешествуя по всем странам, которые ему хотелось исследовать. Как обычно, Джейн была хорошим товарищем и следовала за ним повсюду. Они побывали на Бали, в Непале, Индии, Китае, вернулись в места, которые любили: Марокко, Японию, Турцию. Непрерывно путешествуя, они впервые за все эти годы стали ближе. Он совсем забыл, как весело и интересно с Джейн и какое удовольствие он получает от ее общества. Они снова влюбились друг в друга и никогда еще не были так счастливы.

Но в Париже они обнаружили, как серьезно больна Джейн. У нее несколько месяцев были проблемы с желудком, но они оба считали, что это безобидная реакция организма на экзотическую кухню. После этого они сразу улетели домой, и Джейн снова прошла обследование. Оказалось, что все хуже, чем они предполагали. Но даже тогда они отрицали это. Теперь, прочитав дневники жены, он увидел, что она раньше его поняла, насколько тяжело больна. И тем не

менее Джейн была убеждена, что победит недуг. Она молча страдала все эти месяцы, не желая портить путешествия, которые он так хотел совершить и которых так долго ждал. Ее огорчило, что из-за возвращения домой пришлось отказаться от поездки в Бразилию и Аргентину.

А теперь все казалось таким бессмысленным, таким пустым без нее.

Джейн было пятьдесят девять, когда она умерла. Они были женаты тридцать семь лет. Алекс было тридцать четыре, а ее брату Дугу было бы сейчас тридцать шесть. Он погиб из-за несчастного случая с яхтой. Теперь Квинн понял, что едва знал его. Да, ему есть о чем сожалеть и в чем каяться, и для этого есть весь остаток жизни. Джейн умерла в июне, а сейчас, когда они зашли в порт на Старых Антибах, был ноябрь. И эти пять месяцев без нее были мучительными и нескончаемыми. Квинн знал совершенно определенно, что никогда не простит себе свое поведение с женой. Сны и дневники Джейн постоянно напоминали о его ошибках. Алекс давно устроила над ним суд и вынесла приговор: «Виновен». И он был согласен с дочерью.

После того как они вошли в док, капитан постучался в каюту Квинна. Он хотел сообщить о строящемся паруснике, который выставлен на продажу в Голландии. Капитан только что звонил на судоверфь. Он улыбнулся, переступив порог.

– Она длиной сто восемьдесят футов и, судя по описаниям, просто красавица, – сияя, рассказывал он. – Это кеч¹. На судоверфи сказали, что ею интересовались, но пока никто не купил. Рамсей только что решил ее продать. – Мужчины встретились взглядом, и лицо Квинна расплылось в улыбке. Капитан ни разу не видел его таким счастливым: почти все путешествие Квинн явно страдал. – Вы собираетесь поехать и взглянуть на нее, сэр? – спросил капитан. – Я буду рад поменять для вас ваш билет. Есть рейс в Амстердам на полчаса позже того, которым вы собираетесь лететь в Лондон.

Квинн ушам своим не верил. Да это же безумие! Парусник длиной сто восемьдесят футов! А почему бы и нет? Он может плавать вокруг света весь остаток жизни. Этого ему больше всего хочется. Он может жить на яхте и посетить все любимые места, а также те, где еще не бывал. Единственное, что он возьмет с собой, – это стихи и дневники Джейн. Больше ничего в мире не имеет значения. Он перечитывал их снова и снова, и кристальная чистота Джейн и бесконечная любовь к нему каждый раз наносили жестокий удар.

– Но это же безумие! – воскликнул Квинн после того, как с минуту размышлял о паруснике длиной сто восемьдесят футов, откинувшись на спинку кожаного кресла. Он не заслужил такого подарка судьбы, но яхта – это все, чего ему хотелось. Жизнь в море – идеальное бегство от всего.

– И вовсе это не безумие, сэр. Просто позор, что у такого моряка, как вы, нет собственного судна. – У капитана вертелось на языке, что он был бы счастлив работать на этого человека, но он не хотел навязываться. Однако если Квинн купит судно, то он непременно попросит себе место. У него с Джоном Баркли, владельцем «Виктори», были прохладные отношения. Квинн Томпсон – именно тот человек, на которого хочется работать, это настоящий моряк. А Джон Баркли обращался с «Виктори» как с плавучим домом, так что на самом деле ему не нужен был опытный капитан. Основную часть времени они проводили в порту либо стояли на якоре в море, пока семья Баркли плавала. – Парусник закончат через год, а возможно, и быстрее, если их поторопить. Вы смогли бы ходить на ней уже в конце следующего лета. Или в худшем случае через год, сэр.

– Хорошо, – ответил Квинн, вдруг решившись. – Давайте сделаем это. Вы не откажете в любезности поменять для меня рейс? Я могу улететь в Лондон после того, как увижу ее. – Ну что же, у него нет никакого расписания, которому нужно следовать, и он не должен ни с кем увидеться. А прошедшие три месяца доказали, что он хочет парусник. Теперь к этому нет

---

¹ Кеч – небольшое двухмачтовое судно. (Здесь и далее примеч. пер.)

никаких препятствий. – Вас не затруднит позвонить на судоверфь и сказать, что я приеду? – Глаза Квинна радостно блестели.

– Конечно, сэр. Я переговорю с управляющим и скажу, чтобы он вас ждал.

– Мне нужно заказать номер в «Амстеле». Всего на один день. Завтра я прямо с судоверфи отправлюсь в аэропорт и улечу в Лондон.

Это было волнующее решение. Если корабль не понравится, он не обязан его покупать. Можно даже сделать заказ, чтобы построили парусник специально для него. Правда, на это уйдет больше времени. Потребуется по крайней мере два года, чтобы построить судно не хуже того, что заказал Рамсей. Возможно, даже еще дольше.

Капитан все организовал, и полчаса спустя Квинн уже обменивался рукопожатиями с ним и со всеми членами команды. Поблагодарив их за доброе отношение, он дал каждому щедрые чаевые и выписал капитану чек на крупную сумму. Квинн обещал сообщить о ходе дел в Голландии. По дороге к аэропорту в Ницце он ощутил ту же щемящую боль, которая мучила его месяцами. Как ему хотелось рассказать Джейн о планах и надеждах, связанных с Голландией! Постоянно возникала потребность чем-нибудь поделиться с женой, и это отзывалось острой болью, напоминая, насколько пустой стала жизнь без нее. Он прикрыл глаза, думая о Джейн, затем снова открыл. Нельзя позволить себе снова упасть в черную яму горя. Со дня смерти Джейн он постоянно вел с собой эту борьбу. Но одно Квинн знал точно: по крайней мере, яхта даст возможность избегать тех мест, где он бывал вместе с женой. Это было бы слишком мучительно для него. Парусник – это то, ради чего стоит жить. Конечно, он никогда не заменит Джейн. Но когда они добрались до аэропорта, Квинн подумал, что она была бы счастлива. Она всегда радовалась за него и восхищалась каждой его идеей – какой бы безумной эта идея ни казалась остальным. Джейн понимала его лучше, чем кто бы то ни было, поняла бы и сейчас. Она была единственным человеком, который действительно любил его. Теперь, когда ее не было рядом, он точно знал: вся их жизнь была любовным стихотворением. Точно таким же, как те стихи, которые она написала и оставила ему.

Глава 2

Самолет приземлился в амстердамском аэропорту Схипхол в шесть часов, и Квинн отправился на такси в отель «Амстел». Это был один из его любимых отелей в Европе. Старинное великолепие и изысканный сервис «Амстела» всегда напоминали Квинну о «Ритце» в Париже. Вскоре после прибытия он заказал обслуживание в номер. Он обнаружил, что тоска по «Виктори» и ее команде борется с радостным предвкушением от предстоящего знакомства с яхтой: он планировал увидеть ее утром. В ту ночь он никак не мог заснуть от волнения. Квинн от всей души надеялся, что полюбит ее.

Он спал урывками, и в семь часов утра уже поднялся и оделся. Пришлось долго ждать автомобиля с шофером. Квинн провел это время, читая «Геральд трибьюн» за завтраком. Поездка от отеля до судоверфи заняла около часа, и к девяти Квинн был в офисе ее владельца. Этот человек, который был старше его, обладал могучим телосложением. В ожидании Квинна он разложил на столе чертежи. Он слышал о новом клиенте и много лет читал о нем в газетах. Накануне вечером он сделал несколько телефонных звонков и осторожно навел справки. В результате он имел очень ясное представление о Квинне. По слухам, тот был язвительным, а порой безжалостным. Для тех, кто становился Квинну поперек дороги или подводил его, он был страшен.

Высокий худощавый Квинн опустился в кресло. Его голубые глаза блестели, когда вместе с владельцем судоверфи он рассматривал бумаги. Владельца звали Тем Хаккер, и он был на несколько лет старше Квинна. В офисе присутствовали оба его сына, которые подробно объясняли Квинну чертежи. Обоим молодым людям был поручен контроль над этим проектом, и они очень гордились этим. Судно обещало быть весьма эффектным. Слушая объяснения, Квинн снова почувствовал уважение к гению Боба Рамсея. Гигантский парусник обладал почти всеми качествами, о которых можно было только мечтать. У Квинна появилось несколько дополнительных идей, которые он высказал в виде предложений. Они произвели впечатление на обоих молодых Хаккеров, а также на их отца. Идеи Квинна были технического характера и направлены на усовершенствование концепции Рамсея.

– С его стороны просто безумие отказаться от этого судна, – сказал Квинн, когда они снова обсудили планы. Теперь ему не терпелось увидеть парусник.

– Мы строим для него восьмидесятиметровое судно, – с гордостью произнес Тем Хаккер. Двести пятьдесят футов! Впрочем, и то, которое они сейчас обсуждали, казалось Квинну достаточно большим. Лучшего он не мог и желать. На паруснике было все, что он считал необходимым.

– Уж оно-то сделает Рамсея счастливым, – пошутил Квинн, имея в виду восьмидесятиметровое судно.

Затем он попросил показать парусник, который продавал Рамсей. Увидев его, Квинн замер в благоговейном молчании, а потом присвистнул. Даже корпус казался ему красивым. Большие секции судна были уже закончены. Высота главной мачты составляла сто девяносто футов, и она должна была держать восемнадцать тысяч квадратных футов парусов. Даже в незавершенном виде яхта показалась Квинну изысканно прекрасной. Это была любовь с первого взгляда. Теперь он знал, что должен владеть ею. Именно так он и делал свои дела: быстро и безошибочно принимая решения.

Они провели час, рассматривая парусник и обсуждая изменения, которые хотел внести Квинн. Затем они с Темом Хаккером не спеша вернулись в офис. Хаккер и Боб Рамсей заранее договорились о цене. Быстро произведя в уме вычисления с учетом изменений, которые хотел Квинн, владелец судоверфи назвал стоимость. Она заставила бы побледнеть почти любого, но Квинн не проявил никаких эмоций. Последовала долгая пауза: Квинн быстро считал в уме под

взглядом Хаккера. Наконец он кивнул. Хаккер протянул руку, и Квинн пожал ее. Сделка была заключена. И хотя сумма была высокой, ни у одного из них не возникло и тени сомнения, что яхта стоит таких денег. Оба были очень довольны. Квинн сказал, что ему бы хотелось, чтобы судно было готово к августу. Он знал, что это оптимистический прогноз. Но теперь, увидев яхту, не мог дождаться той минуты, когда отправится в путешествие. Эти месяцы покажутся бесконечными, но ожидание будет радостным.

– Я надеялся, что вы согласитесь на ноябрь. Или, возможно, мы могли бы закончить в октябре, – осторожно сказал Тем Хаккер. Квинн Томпсон принялся торговаться.

В конце концов, немного подискутировав, они приняли компромиссное решение: сентябрь. Во всяком случае, как предполагал Тем Хаккер, к этому времени яхта будет готова к пробному плаванию. Крайний срок – первое октября. Квинн выразил твердое намерение прилетать, чтобы следить за ходом работ и подгонять их. Оставалось ждать почти целый год, и Квинну не терпелось поскорее поплыть на собственной яхте.

Он покинул судовой верфь в полдень, выписав внушительный чек. Перед отбытием Квинн позвонил капитану «Виктори», чтобы рассказать новости и поблагодарить.

– Это замечательно, сэр! – взволнованно воскликнул капитан. – Не могу дождаться, когда увижу ее. – Он решил обязательно написать Квинну, затронув вопрос о работе. Не хотелось делать это по телефону. Надо отметить, что Квинн уже и сам думал об этом.

Сейчас у него в мозгу роились миллионы разных деталей и планов. Отъезжая в автомобиле, он помахал Хаккером. Они были так же довольны сделкой, как и он, – быть может, даже больше. Судно такого размера обычно нелегко продать, а Квинн Томпсон не колебался ни минуты. Направляясь к аэропорту, он знал, что теперь у него есть новый дом и новая страсть. Единственное, что оставалось сделать, – это продать жилье в Сан-Франциско. Нужно было кое-что доделать, прежде чем можно будет давать объявление. Но сейчас все мысли Квинна были сосредоточены на яхте. Он знал, что скоро начнется новая жизнь, которая продлится все оставшиеся годы. И от этого возвращение в пустой дом будет намного легче. По крайней мере, так ему казалось.

Много лет назад у него была маленькая яхта, и он побуждал обоих детей ходить под парусом. Как и ее мать, Алекс ненавидела это занятие. Дуг погиб во время несчастного случая в летнем лагере в Мейне. После этого Джейн наконец убедила Квинна продать парусник. Впрочем, у него в любом случае не было времени ходить в плавание, и он подчинился. Более двадцати лет он довольствовался тем, что время от времени пользовался яхтами знакомых. И всегда без Джейн, которая не любила яхты.

А теперь перед ним вдруг открылся целый новый мир. Это казалось идеальным сценарием для последней главы жизни. Именно так ему хотелось провести ее остаток: плавать вокруг света на судне, которое превосходило самые смелые мечты. Квинн все еще улыбался про себя, поднимаясь на борт самолета, совершавшего рейс в Лондон. Всю ночь в номере отеля он делал заметки о деталях своего судна. Перспектива обладать этой яхтой резко изменила его настроение и образ жизни.

Когда на следующий день Квинн сел в Хитроу на самолет, летевший в Сан-Франциско, он ясно сознавал, что скоро Сан-Франциско перестанет быть его домом. Единственное, что у него там осталось, – это память о Джейн и о годах, проведенных вместе. Но все это он мог взять с собой. Куда бы он ни поехал, эта память всюду будет с ним: ведь в его «дипломате» – ее драгоценные дневники. Вскоре после взлета он вынул одно из стихотворений и, как всегда, принялся снова и снова перечитывать. Затем, откинувшись на спинку кресла, Квинн посмотрел в окно. Он был так погружен в свои мысли, что даже не услышал, как к нему обращается стюардесса. Она спрашивала, что бы ему хотелось выпить. Наконец ей удалось привлечь его внимание. Отказавшись от шампанского, он попросил принести «Кровавую Мэри». Стюардесса выполнила заказ после того, как обслужила всех остальных. К счастью, место рядом с ним не

было занято. Он почувствовал облегчение, поскольку терпеть не мог беседовать с людьми в самолете. Вернувшись в служебное помещение, стюардесса поделилась своими наблюдениями относительно Квинна со старшим стюардом.

– Похоже, это какая-то важная шишка, – заявила она. Стюард взглянул на Квинна и сказал, что не узнает его. Да, у него привлекательная внешность, но он не очень-то приветлив.

– Вероятно, это просто еще один президент крупной компании, уставший после целой недели совещаний в Лондоне.

Когда-то – не очень давно – так оно и было. Но теперь Квинн был совсем другим человеком: владельцем замечательной новой яхты. Да, ни стюардесса, ни старший стюард не могли такое вообразить. Яхта была единственной радостью в его жизни. Жена умерла, дочь ненавидела его (или только воображала это), сын давно погиб. Квинн был один как перст в этом мире, и никто его не любил. Всем было безразлично, что он делает. А через несколько часов он войдет в пустой дом, в котором жил с любимой женщиной. Он полагал, что хорошо ее знает, но оказалось, что это не так. Эта женщина любила его больше, нежели он заслуживал. Квинн был благодарен Джейн и чувствовал себя виноватым перед ней. Еще раз перечитав стихотворение, он ощутил, что недостоин такой любви. Вернув бумаги в «дипломат», он закрыл глаза. Он думал о Джейн, стараясь вспомнить каждую деталь ее лица, голос, смех. Его терзал отчаянный страх, что со временем эти воспоминания ускользнут от него. Но нет, они будут длиться, пока есть ее дневники. Они помогут удержать ее. Эти записи были ключом к тайнам, о которых он никогда не подозревал и которые не стремился открыть. Стихотворения и дневники, его раскаяние и любовь к Джейн – вот все, что от нее осталось.

Глава 3

Самолет приземлился в Сан-Франциско точно по расписанию. Квинн быстро прошел таможенный контроль. Несмотря на то что он долго не был в Штатах, ему нечего было предъявить для досмотра. Подхватив чемодан и «дипломат», он с мрачным видом вышел на улицу. Ему совсем не улыбалось ехать в пустой дом. В самолете он обнаружил, что, как назло, ухитрился вернуться домой накануне Дня благодарения. Это даже не приходило ему в голову, когда он строил планы. Впрочем, в любом случае не было выбора, поскольку аренда «Виктори» подошла к концу. Веских причин задерживаться в Европе не было, тем более что Алекс отказалась увидеться с ним.

Она была вежлива, но тверда. Ее вспышки гнева имели место до и после похорон, и теперь их общение было официальным и прохладным. По-своему она была такой же упрямой, как Квинн. Алекс годами злилась на него. Она бесконечно обсуждала это с матерью. Несмотря на все попытки Джейн смягчить дочь, та продолжала занимать по отношению к отцу позицию сурового судьи. Она ставила ему в вину, что его никогда не было рядом – даже когда умер Дуг. Квинн приехал домой на три дня, на похороны. Он был в Бангкоке, где заключал важную сделку. Там он и получил печальное известие. На следующее утро после похорон он улетел, бросив одиннадцатилетнюю Алекс и ее мать. Они оплакивали Дуга и страдали в одиночестве, цепляясь друг за друга.

В тот раз Квинн уехал на месяц и провернул колоссальную сделку, которой были посвящены первые полосы в «Уолл-стрит джорнэл»². Ненадолго заглянув домой, он уехал на два месяца, которые провел в Гонконге, Лондоне, Париже, Пекине, Берлине, Милане, Нью-Йорке и Вашингтоне. Теперь, став взрослой, Алекс говорила, что практически никогда не видела отца и не беседовала с ним. Возвращаясь домой, он всегда бывал слишком занят, утомлен перелетом через несколько часовых поясов и недосыпом. Поэтому ему было не до того, чтобы побыть вместе с дочерью или женой. А кончилось тем, что он даже не дал ей достаточно времени, чтобы попрощаться с матерью. Квинн уже слышал все эти обвинения раньше, во время похорон и после них. Ему никогда не забыть горькие слова дочери и свой несимпатичный портрет, нарисованный ею. И хуже всего, что возразить нечего. Он действительно такой, каким его описала Алекс. Да, именно таким он был до своей отставки. И как бы он ни изменялся в положительную сторону, Алекс не желала это признавать.

В течение полутора лет после отставки Квинн постарался компенсировать Джейн те долгие годы, когда был занят и отсутствовал. Он думал, что отчасти удалось это сделать. Но невозможно было возместить все эти годы дочери. Любопытно, что она вышла замуж за человека, который почти никогда не покидал дом – не считая времени, которое он проводил в офисе. Дочь вышла замуж за швейцарского банкира. Он работал в банке, основанном его дедом. Они вместе поступили в Йельский университет и поженились, как только окончили его. Это было тринадцать лет назад. Они жили в Женеве, и у них было два сына. Квинн сразу же заметил, что Хорст под каблучком у Алекс, и поделился этим наблюдением с Джейн. Молодые супруги были неразлучны и казались счастливыми и безмятежными. Правда, в их жизни не было ни вдохновения, ни волнений. Квинн находил своего зятя ужасно скучным. Алекс постаралась не попасть в ту же ловушку, в которую угодила мать. Она вышла замуж за слабого человека, который покорно выполнял все приказы и был совсем не похож на ее отца. Хорст очень редко путешествовал. Это был надежный молодой человек, обладавший чувством ответственности. Он любил жену и сыновей, и у него не было больших амбиций. Выходя замуж за Хорста, Алекс знала, что он никогда не принесет ее в жертву своей карьере или страстям. Квинн определил

---

² Ежедневная финансово-экономическая газета, которая издается в Нью-Йорке с 1889 года.

опытным глазом, что их у Хорста и не было. Он просто существовал, а именно это и нужно было Алекс.

Ее сыновьям было шесть и девять лет. Это были красивые голубоглазые мальчики со светлыми волосами, в точности как у матери. Квинн едва их знал. Джейн часто ездила к дочери в Женеву. Алекс привозила сыновей в Сан-Франциско раз в год, чтобы повидаться с матерью. Когда они приезжали, Квинн чаще всего был в командировке. А когда Джейн ездила в Женеву, он обычно находился в какой-нибудь другой части света. Джейн часто пользовалась отсутствием мужа, чтобы навестить дочь. Теперь, бросая взгляд в прошлое, он понимал, почему Алекс так злилась. Она не собиралась давать отцу шанс искупить грехи – как реальные, так и воображаемые. В общем, Алекс лишилась не одного родителя, а двух. Отец умер для нее за много лет до того, как скончалась мать. А в одиннадцать лет она потеряла брата, и это так и осталось открытой раной. Поэтому она тряслась над своими детьми и не внимала просьбам мужа предоставить им немного больше свободы. Алекс была убеждена, что ей лучше знать. Из-за несчастного случая с братом она больше всего на свете ненавидела парусники.

Джейн тоже никогда их не любила. Однако Квинну казалось, что она бы порадовалась за него сейчас, когда он строит новое судно. Ей всегда хотелось, чтобы он был счастлив, осуществил свои мечты и достиг всего, чего хотел.

А в результате Квинн остался человеком без семьи и без родственных связей. Он остро почувствовал свое одиночество, когда такси прибыло на Валледжо-стрит и он вошел в *cul-de-sac*³, заросший деревьями. Они почти полностью скрывали большой дом в английском стиле, в котором они с Джейн прожили всю жизнь и где выросла Алекс. Когда его состояние увеличилось, он хотел приобрести недвижимость побольше, но Джейн всегда уверяла, что ее все устраивает.

И Квинн тоже любил этот дом – пока там была Джейн и он возвращался к ней. А теперь, поворачивая ключ в замке, он боялся тишины.

Когда он вошел в холл и поставил сумки на пол, то услышал тиканье часов в гостиной. Этот звук резанул его по сердцу, как ножом. Никогда еще он не чувствовал себя настолько одиноким. В вазах не было цветов, шторы были задернуты, а темные панели, которые когда-то сверкали, сейчас придавали комнате мрачный вид. Она напоминала склеп. Никогда еще дом не казался таким темным и унылым. Не раздумывая, Квинн подошел к окнам и раздернул шторы. Он стоял, глядя на сад. Деревья и живые изгороди еще были зелеными, но цветов не было. За окнами стоял сумрачный ноябрьский день.

Пока самолет приземлялся, сгустился туман. Теперь он кружил по городу. Небо было серым и таким же угрюмым, как настроение Квинна. Подобрав сумки, он поднялся наверх. Когда он увидел их супружескую спальню, это его добило. Джейн умерла у него на руках в этой постели пять месяцев назад. Глядя сейчас на их комнату, он почувствовал физическую боль. А потом он увидел улыбающуюся Джейн на фотографии на стене и присел на край кровати. По его щекам катились слезы. Возвращение домой – ошибка. Но ведь больше некому было разобрать вещи Джейн, да и его собственные. Это нужно сделать, если он хочет продать дом весной. И еще нужно произвести кое-какие работы. Все было в полном порядке и хорошо функционировало, но тридцать семь лет в одном доме – это почти целая жизнь. Придется организовать работы и самому разобрать вещи, как бы тяжело это ни было. В некоторых комнатах надо обновить краску. Он хотел проконсультироваться с риелтором насчет того, что еще нужно сделать, чтобы продать дом.

Первая ночь здесь была долгой и мучительной. Квинн так тосковал по Джейн и так страдал от одиночества, что порой ему хотелось выскочить на улицу прямо в пижаме. Но он же не мог сбежать. Придется пройти через это испытание. Жизнь без Джейн была пожизненным

---

³ Cul-de-sac – тупик, глухой переулок (*фр.*).

приговором, который никто никогда не отменит. Да, его одиночество будет длиться вечно, и он это заслужил. В ту ночь ему приснился сон, который часто мучил его перед тем, как он отправился в плавание. В этом сне Джейн приходила к нему, протягивая руки, умоляя и плача. Сначала слов было не разобрать, но ее взгляд и так терзал его сердце. Затем слова становились более четкими, и они всегда были одинаковыми, с незначительными изменениями. Она умоляла Квинна не бросать ее, не покидать снова. И каждый раз он обещал, что не оставит ее.

А потом в этом кошмарном сне он брал чемодан и отбывал. И после этого видел лицо Джейн, которая плакала в одиночестве. Проснувшись, он все еще слышал ее рыдания, и еще долго ее слова отдавались эхом в его мозгу: *«Квинн, не бросай меня... Квинн, пожалуйста...»* Он видел ее протянутые руки и потерянный взгляд, и его охватывала паника. Как же он мог так поступать с ней? Почему так часто уезжал? Почему его собственные дела всегда казались такими важными? Почему он не слышал ее?

Этот сон отметал все причины его поездок и рушил империю, которую он строил. И единственное, что оставалось, – это чувство вины. Он ненавидел этот кошмар. Почему же он снова приснился, сразу по возвращении в Сан-Франциско? В этом сне в Джейн было что-то трагическое, хотя в реальной жизни она была мягкой и чуткой. И в отличие от женщины во сне она никогда не упрекала его и не молила. Квинн терпеть не мог этот сон. Он знал, что вина – это цепь, которая приковывает его к жене так же крепко, как любовь. Его огорчило, что кошмар мстительно вернулся, как только он переступил порог дома. Очевидно, это время, с которым придется жить.

На следующее утро Квинн принял душ, побрился, оделся и выпил чашку кофе. Затем, засучив рукава, он начал рыться в стеллажах, пытаясь выкинуть из головы этот навязчивый сон. Начал он с самого легкого: со стеллажей внизу, где Алекс хранила памятные вещи из детства. Джейн годами просила забрать эти безделушки, но дочь предпочитала оставить их у родителей. Тут были ленты, призы тех дней, когда она занималась верховой ездой, и несколько наград с теннисных турниров, в которых Алекс принимала участие в колледже. Бесконечные фотографии ее друзей, большинство которых Квинн не помнил, – от детского сада до колледжа. В этих шкафах также были магнитофонные записи и домашнее видео, несколько старых потрепанных кукол, игрушечный медведь и, наконец, какая-то коробка, засунутая подальше. Она была запечатана, и Квинн открыл ее перочинным ножом. В ней было полно фотографий Дугласа. На многих он был запечатлен вместе с Алекс. Оба смеялись, резвились на траве, катались на лыжах. А еще тут был целый пакет писем от Дуга. Он писал их, когда уехал в лагерь в Мейне, а Алекс была в лагере в Калифорнии. Развернув ветхую пожелтевшую бумагу, Квинн вздрогнул, увидев, что дата совпадает с днем смерти Дуга. Он написал Алекс в то самое утро, за несколько часов до несчастного случая с парусником, прервавшего его жизнь в тринадцать лет. Слезы струились по лицу Квинна, когда он читал письмо. Он любил сына, но держал на расстоянии.

Дуг был красивым мальчиком, жизнерадостным, добрым и умным. Он был очень похож на отца. Однако Квинн всегда откладывал сближение с сыном на потом. Он считал, что у них еще будет время для настоящей мужской дружбы. Но мальчик проскользнул у него между пальцев. И даже тогда Квинн не оплакал сына как должно. Было слишком больно признать, что он упустил шанс получше узнать Дуга. Тогда на него навалилось чувство вины, и он сбежал. Каждое напоминание об утрате ребенка было словно безмолвным обвинением. Квинн настоял, чтобы Джейн как можно скорее убрала вещи Дуга и очистила его комнату. Он считал, что ей будет слишком тяжело, если спальня сына останется неприкосновенной. И опасался, как бы она не устроила там святилище. Уезжая в Гонконг, он настоял, чтобы все было упаковано и убрано к его возвращению домой. Ему казалось, что он делает это во благо Джейн.

А она, будучи покорной женой, подчинилась, чтобы угодить Квинну. Бог его знает, чего это ей стоило.

Разбирая на следующий день вещи в большом сарае за гаражом, Квинн нашел почти все, что было в комнате мальчика. Там были одежда Дуга, спортивные принадлежности, его призы и другие памятные штуки. Двадцать три года Джейн хранила все его вещи, даже нижнее белье. Когда Квинн начал разбирать имущество наверху, он даже нашел в глубине шкафа Джейн три свитера Дуга.

Это было сентиментальное путешествие, которое длилось неделями. Снова и снова Квинн сталкивался с воспоминаниями, связанными с Джейн, и это было невыносимо тяжело. Он все сильнее ощущал свою вину.

Пришел и ушел День благодарения. Квинн из чувства долга позвонил Алекс, хотя она и не отмечала этот праздник в Женеве. Она отвечала лаконично и сухо. Алекс поблагодарила отца за звонок, но ее тон был ледяным. Это так обескуражило Квинна, что он даже не попросил к телефону Хорста или мальчиков. Смысл ответов Алекс был ясен: «Не звони. Ты нам не нужен. Оставь меня в покое». И Квинн так и сделал.

Он не стал возиться с индейкой, поскольку ее не с кем было разделить. И даже не дал знать никому из друзей, что вернулся в Сан-Франциско. Уж если так тяжело разбирать вещи в доме, еще тяжелее будет общаться с людьми. Джейн была его связующим звеном с обществом. Именно она поддерживала контакт со всеми, любила принимать у себя друзей. Она мягко уговаривала Квинна слегка притормозить и насладиться спокойным вечером в кругу близких. И чаще всего он уступал жене. Но без ее влияния и теплоты он предпочитал одиночество. Теперь он был один. И так будет всегда. Ему не хотелось никого видеть: от этого он лишь острее почувствует отсутствие Джейн, и станет еще тяжелее.

Днем он разбирал шкафы жены, ее украшения, памятные вещи. А ночью сидел в кровати, измученный, читая ее дневники и стихи. Ему казалось, что он пропитался ее атмосферой. Все, что она думала, чувствовала, любила, стало частью его самого, впиталось в кожу. Джейн стала его душой, как будто у него не было своей собственной. Теперь они слились в одно целое. Никогда он не чувствовал такой близости с Джейн, как в последние месяцы перед ее смертью. Он перебирал все, что ей принадлежало, – не только ее бумаги, но и вечерние платья, одежду, в которой она работала в саду, выцветшие ночные сорочки, в которых она спала, нижнее белье, ее любимые джемперы. И так же, как она спрятала свитера сына в свой шкаф, Квинн отложил в сторону любимые вещи Джейн, чтобы сохранить. Он не смог заставить себя расстаться ни с одной из них. Только теперь он понял, как жестоко поступил с Джейн, заставив очистить комнату Дуга. В конце концов жизнь отплатила ему той же монетой. Он считал, что это заслуженное наказание за всю боль, которую он причинил жене, и принимал его со смирением.

Была середина декабря, когда он навел в доме какое-то подобие порядка и определил, что отдать, а что сохранить. В гостиной лежали груды вещей, которые нужно было отдать или сложить в коробки и сохранить. При таком беспорядке невозможно было позвать риелтора. Единственным развлечением Квинна были телефонные звонки Тему Хаккеру. Он звонил каждую неделю, чтобы проверить, как обстоят дела с яхтой. Квинн получил милое письмо от Боба Рамсея, который поздравил его с новым приобретением. Боб был в восторге от того, что избавился от этой заботы и может полностью посвятить себя новому паруснику. Согласно заверениям Хаккеров, дела шли хорошо и они укладывались в график. В данный момент приведение в порядок дома в Сан-Франциско казалось Квинну гораздо большей проблемой. Но он был рад, что делает это сам: ведь это возможность в последний раз пообщаться с Джейн. Он как бы выполнял священный ритуал, позволявший ощутить близость с женой. И каждую ночь он читал ее слова, написанные твердым наклонным почерком. После этого она снилась ему.

А два-три раза в неделю он видел тот кошмар, в котором она молила его не покидать ее. И даже днем этот сон не давал покоя.

Квинн обнаружил тысячи фотографий, на которых были запечатлены они с Джейн – начиная с ранних дней, когда дети были еще маленькими. Тут были снимки, сделанные во

время путешествий и праздников, а также недавние – их последние поездки. А еще Джейн хранила каждую статью из газеты, в которой упоминался Квинн. Почти сорок лет их жизни были сложены в папки и коробки. Некоторые были такими ветхими, что рассыпались от прикосновения. Все бумаги были расположены по хронологии. Джейн хранила в безукоризненном порядке все, связанное с мужем, которого почитала и которым восхищалась. Увы, он не отвечал ей тем же. При взгляде на газетные вырезки, в которых описывались его достижения, Квинн снова и снова сознавал, каким эгоистичным был. А Джейн любила его издали и ждала, когда он приедет домой. Она прощала все и искала для него оправдания перед детьми. Это была замечательная женщина.

Хотя Квинн редко ходил в церковь, он заглянул туда в рождественское утро и поставил свечку за Джейн. Он сделал это главным образом потому, что знал: для нее это имело бы значение и она была бы довольна. Много лет подряд она зажигала свечки за Дуга. И когда что-нибудь ее огорчало, она тоже шла в церковь и ставила свечки. Он поддразнивал ее этим. Но после того, как Квинн зажег свечку, его охватило какое-то странное ощущение покоя. Как будто тепло и яркий свет крошечного пламени вызвали какие-то невидимые изменения. Это его удивило. А потом он пошел домой, ощущая облегчение. К тому времени вещи, которые он жертвовал, уже лежали в коробках. А те, которые решил оставить, были в запечатанных картонках, сложенных в гараже. Там же была мебель, которую он решил сохранить. У них имелась прекрасная антикварная мебель. Может быть, она пригодится Алекс. Квинн сомневался, что у него когда-нибудь будет дом, который он сможет обставить. Если все пойдет по плану, то как только будет готова новая яхта, он уплывет на ней. И проведет на ее борту остаток своих дней.

Месяц после возвращения домой был очень трудным, и в рождественскую ночь Квинн наконец-то сделал себе поблажку. Он выпил почти целую бутылку чудесного старого красного вина, которую нашел в погребе. Затем угостился двумя рюмками бренди и пошел спать.

И на следующий день он почувствовал себя лучше, несмотря на похмелье. Он был рад, что каникулы почти закончились. Канун Нового года он провел за письменным столом, просматривая бумаги. Его адвокат должен был их представить в суде по наследственным делам и утверждению завещаний. Квинн проработал несколько часов. Было слышно, как дождь стучит по стеклам и свистит ветер. Была уже полночь, когда он наконец поднялся из-за стола и выглянул в окно. Он увидел, что буйный ветер пригнул более тонкие деревья к самой земле. Квинн не включал телевизора и потому не знал, что такой яростной бури, какая сейчас обрушилась на север Калифорнии, не было более века. Линии электропередачи были оборваны по всему округу Марин⁴ и на восточном и южном побережье Залива.

Квинн крепко спал в своем темном доме, когда услышал ужасный грохот снаружи, за которым почти сразу последовали еще два удара. Он встал и, снова выглянув в окно, обнаружил, что самое большое дерево в саду упало. Он вышел в пижаме и дождевике и сразу же увидел, что при падении оно снесло угол крыши. Вернувшись в дом, он обнаружил зияющую дыру в потолке гостиной, через которую хлестал дождь. Нужен непромокаемый брезент, чтобы закрыть дыру, но его не было. Единственное, что можно сейчас сделать, – это передвинуть мебель, чтобы ее не испортил дождь. Квинн не мог определить происхождение двух других ударов. Деревья в саду бешено раскачивались на ветру, но ни одно из них не упало. По-видимому, остальная часть дома не пострадала.

В ту ночь Квинну больше не удалось заснуть. Он прислушивался к буре, бушевавшей вокруг дома. Когда он поднялся на рассвете, все еще лил дождь. Надев сапоги и дождевик, он обошел вокруг дома, чтобы определить масштаб ущерба. В крыше зияла уродливая дыра. Несколько ставен было сорвано и два больших окна разбито. Повсюду валялись осколки стекла и обломки. Гараж сильно пострадал, и его затопило.

---

⁴ Марин – округ к северу от Сан-Франциско.

К счастью, по чистой случайности Квинн сложил все картонки на длинные деревянные столы, так что ничего из бумаг и вещей не пострадало. Но он провел остаток утра, перенося их на кухню. У гостиной был плачевный вид. В середине ночи он передвинул мебель и убрал ковры, подставил корыта и разложил полотенца, чтобы собирать дождевую воду, проникавшую через дыру в потолке. Угол гостиной немного выдавался, и сквозь него прошла большая ветвь. При этом она расколола часть прекрасных старых панелей. В то утро Квинн узнал из газет, что по крайней мере дюжина человек были убиты, главным образом упавшими линиями электропередачи или деревьями. По всему штату сотни людей были ранены, тысячи потеряли кров и приютились в школах, так как затопило низины. Это была катастрофа поистине гигантского масштаба.

Когда Квинн совершал очередной рейс из гаража на кухню с большой коробкой в руках, он понял, что вызвало второй и третий мощный удар в ту ночь. В соседском саду упало два дерева. Они были меньше его рухнувшего дерева, но тем не менее нанесли большой ущерб. На улице стояла маленькая темноволосая женщина, которая со скорбным видом смотрела на произведенные разрушения. Она случайно взглянула на Квинна, когда тот проходил мимо.

– Мое дерево пробило крышу в четыре часа утра, – сказал он. – Я услышал еще два удара. Наверное, это свалились ваши, – заметил он, и женщина кивнула. Стволы были внушительных размеров. – У вас много повреждений?

– Пока что не уверена, но вид ужасный. Дом протекает, как сито, а на кухне у меня Ниагарский водопад.

Квинн даже не знал имени женщины. Ему было известно, что этот дом продали как раз после кончины Джейн. Однако он никогда не встречал семью, купившую его, и не интересовался, кто они такие. Ему было жаль соседку. Судя по всему, она сражалась с бедствием в одиночку. Это навело его на мысли о Джейн, которой в его отсутствие приходилось справляться со всеми бедами самостоятельно. Вероятно, муж соседки такой же породы, как он.

У этого мужчины работа, которая держит его вдали от дома в праздники. По крайней мере, половину канунов Нового года в своей супружеской жизни Квинн провел один, в номерах отелей разных стран. И муж этой женщины явно был таким же.

– У меня есть лишние ведра, если вам нужно, – услужливо предложил Квинн. Сейчас, в Новый год, они мало что могут сделать. Можно себе представить, сколько дел будет у каждого строительного подрядчика в штате в понедельник утром.

– Мне нужен кровельщик. Я только что переехала – в августе, – и меня уверяли, что крыша крепкая. Мне бы очень хотелось послать им фотографию кухни. Она выглядит так, будто кто-то включил там душ.

Буря также разбила почти половину окон. Ее дом был даже более уязвим, чем у Квинна, и не такой прочный. За прошедшие двенадцать лет строение несколько раз переходило из рук в руки, и Квинн не обращал внимания на то, кто там живет. Правда, Джейн всегда старалась поприветствовать новых соседей. Однако он никогда не видел ни этой женщины, ни ее мужа, даже когда проходил мимо. С несчастным видом она пыталась убрать какие-то ветки. Все еще лил проливной дождь и бушевал ветер – правда, не так сильно, как на рассвете. Повреждения, нанесенные бурей, напомнили Квинну те, которые он наблюдал после ураганов на побережье Карибского моря или после тайфунов в Индии. Но в Сан-Франциско уж никак не ожидаешь увидеть такое.

– Я собираюсь позвонить в пожарную охрану, чтобы они прикрыли дыру на моей крыше брезентом. Вы хотите, чтобы они также взглянули на вашу? – предложил Квинн.

Женщина кивнула с благодарным видом. Она промокла и выглядела очень расстроенной. Картина вокруг них была удручающей. По всей улице люди пытались убрать упавшие деревья и разгребали завалы. Они привязывали веревками все, что можно, во избежание дальнейших разрушений: буря продолжала бушевать.

– Я не уверена, что брезент поможет, – с сомнением ответила она. Ей явно никогда не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. Впрочем, Квинну тоже. Ему казалось, что Джейн справилась бы гораздо лучше.

– Они скажут, что вам нужно. Я попрошу их захватить несколько кусков брезента, просто на всякий случай. – Затем, вспомнив наконец о хороших манерах, он сказал: – Простите. – Переложив коробку в левую руку, он протянул правую через низкую изгородь и представился: – Я Квинн Томпсон.

– Мэгги Дартмен, – сказала женщина, твердо пожав его мокрую ладонь.

Она была маленькая, с крошечными изящными пальчиками, но рукопожатие было сильным. Ее длинные темные волосы были заплетены в косу, свисавшую на спину. На ней были джинсы и парка. Женщина насквозь промокла, и ему стало жаль ее. Она была очень бледна, и в больших зеленых глазах читалась печаль. Квинн понимал ее, так как и сам расстроился из-за ущерба, причиненного его дому.

– Не повезло, что вашего мужа нет рядом, – произнес он с сочувствием.

Ей около сорока. Детей не видно, так что, возможно, она моложе и еще не обзавелась семьей. Теперь начинают позже. Когда Квинн упомянул ее мужа, женщина как-то странно взглянула на него. Казалось, она хотела что-то сказать, но затем передумала. Вскоре Квинн отправился звонить в пожарную службу. Уже были поданы сотни заявок. Ему сказали, что подъедут через пару часов, чтобы закрыть дыру в крыше. Он упомянул о соседке. Отправившись за последней коробкой в гараж, он сообщил ей, что придут пожарники. Женщина убирала в это время ветку, упавшую на ее подъездную аллею.

– Большое вам спасибо, – кивнула она.

Соседка была похожа на мокрую мышь. Квинну вдруг захотелось предложить ей старый дождевик Джейн, который он собирался отослать в магазин «Доброй воли»⁵. Но он промолчал: ни к чему проявлять излишнее дружелюбие. Женщина была вежливой, но тоже проявляла сдержанность. Через минуту она вернулась в дом. Квинну показалось (правда, он не был уверен), что она заплакала. Интересно, сколько раз плакала Джейн, когда ей приходилось без него справляться с критическими ситуациями? Направляясь к себе, он думал об этом и чувствовал себя еще более виноватым, чем когда бы то ни было.

---

⁵ В магазинах «Доброй воли» в США можно купить подержанные вещи по символической цене. Эти вещи жертвует население, а выручка идет на благотворительные цели.

Глава 4

Пожарные прикрыли брезентом дыру в крыше Квинна. Выполняя обещание, он направил их к соседке. Поздно ночью буря утихла, но ущерб по всему штату был огромным. Как и все в городе, в понедельник утром Квинн позвонил строительному подрядчику и кровельщику. Он нашел их имена в списке, который Джейн вывесила на доске объявлений в кухне. Кровельщик только засмеялся.

– Давайте-ка посмотрим, – добродушно сказал он. – Ваш звонок сегодня сорок восьмой. Возможно, я смогу добраться до вас где-то в августе.

– Надеюсь, вы шутите, – сухо произнес Квинн.

Он не привык иметь дело с подобными проблемами. Все, что случалось в доме, автоматически становилось заботой Джейн. А теперь это была его проблема, и он был не в восторге. Пришлось набирать номер кровельщика и подрядчика более дюжины раз, прежде чем удалось дозвониться. Все пострадавшие от бури отчаянно стремились как можно скорее раздобыть мастера, и Квинн не был исключением.

– Хотелось бы мне, чтобы это была шутка, – ответил человек из кровельной компании. – Нам не удастся это сделать.

Он продиктовал Квинну названия четырех фирм – по его словам, вполне солидных. А когда Квинн наконец дозвонился подрядчику, тот дал названия двух известных строительных компаний. Третий номер принадлежал молодому плотнику, который начал работать самостоятельно несколько месяцев назад. Подрядчик горячо рекомендовал его, уверяя, что это очень хороший мастер. Как и следовало ожидать, обе фирмы были заняты. Квинну пока что так и не удалось найти кровельщика. Сильно раздосадованный, он позвонил молодому плотнику, номер которого дал подрядчик. Квинн уже начинал понимать, как нелегко будет добиться, чтобы отремонтировали дом.

Когда он позвонил плотнику, ответил автоответчик. Квинн оставил краткое сообщение, описав ущерб и объяснив, что случилось. Последний кровельщик, к которому он позвонил, согласился прийти и взглянуть на крышу завтра утром. Но он предупредил Квинна, что ближайшие шесть-восемь недель у него заняты. Похоже, что придется еще долго жить с дырой в потолке гостиной, прикрытой брезентом. Да, не так он планировал провести последние месяцы в Сан-Франциско.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.